

Т Ъ М А.

(Подражаніе Байрону.)

Непостижимый, грозный сонъ!
Души пророческой видѣнья
Казалось — свѣпльый небосклопъ
Облекся въ ризу погребенья;
По небу черпый шаръ блуждалъ:
То было солнце безъ сіянья;
Померкшій мѣсяць препешалъ,
И бурь подземныхъ завыванья
Бѣду пророчили землѣ;
Съ печашью смерти на челѣ
Земля падъ бездною висѣла,
И какъ мертвецъ охолодѣла!
Одно лишь время, какъ всегда —
Мгновенье каждое считало,
И роковаго выжидало
Земля, огонь, эфиръ, вода

Срывали пѣсныя границы;
 Несносенъ имъ пошъ хладный мѣрь,
 Кошорый мраченъ, бѣденъ, сирь,
 Напрасно ждалъ лучей денницы! . . .
 Смирилсь люди! Въ сей-но мигъ
 Священный ужасъ ихъ проникъ;
 Вражда погасла ихъ недаромъ! . . .
 Нынѣ солнца! . . . скрылись небеса! . . .
 Въ замѣнь его, зажгли лѣса —
 И озарилъ мѣрь пожаромъ!
 Увидя яркій сноль огня,
 Со всѣхъ сторонъ жнльцы спскались,
 Корысень и злобу опженя,
 Въ слезахъ какъ бранья обнимались! . . .
 Но сноль огня блѣднѣлъ, мерцалъ,
 И съ прескомъ паялъ лѣсъ дремучій,
 И пенель хладный и сыпучій
 Обширнымъ саваномъ лежалъ
 Лишь кой-гдѣ искры пренешали,
 И лица робкія людей
 Во тѣмъ печально озаряли
 Последней жизнью лучей

II къ блѣднымъ искрамъ всѣ прѣснлись,
 За нихъ, какъ за себя спраннылись . . .
 Тѣ искры въ пепелъ гробовомъ
 Чуть шеплясь, спорили со шьюмою
 II безнадежностью земною!
 Во мракъ рыскали кругомъ
 Звѣрей испуганныхъ станицы,
 Видали безъ приюта птицы.
 Звѣриный вой, шипенье змѣй,
 II птичій зыкъ, и вопль людей
 Подъ мрачнымъ небомъ раздавались:
 Но мрачнымъ небомъ опвергались!
 Надежды не было нигдѣ! . . .
 Земныя руины жилища,
 IIсохли воды, сгнила пища,
 II голодъ вынудилъ къ враждѣ!
 II снова люди раздѣлились!
 На друга другъ, на брата братъ,
 Какъ звѣри дикіе лепяшъ —
 Уста ихъ кровью обагрились;
 Но мечь ихъ сердца не влекла —
 Какъ пламя — жажда ихъ сожгла,

И кровь имъ воду замѣнила!
 И стонетъ бѣдный мѣръ во мглѣ:
 Не ондаюшь добычъ землѣ,
 Кно живъ — шопъ мершвецу могила!
 Въ нихъ голодъ Вѣру испребилъ!
 Разрыли жадными руками
 Священно грозную могилъ,
 И спорящъ съ наглыми звѣрями
 О бѣдномъ оснавѣ костей,
 Добычъ плѣня и червей! . . .

Но вотъ молчанье гробовое
 Царитъ надъ робкою землей
 Уже изъ всехъ живыхъ людей
 Осталась въ мѣръ только двое!
 И что жъ? индѣ добычи нѣтъ!
 Никто въ пустынь не живеть
 И мѣръ безмолвствуетъ, какъ мертвой.
 Вотъ два послѣднѣ жильца
 Сошлись — и кно-то будетъ жертвой?
 Кно будетъ гробомъ мершвца?
 И кно, оставшись сиротою

Подъ тяжкимъ грузомъ общихъ бѣдъ,
Съ шоски и голода умреть? . . .
Сошлись! . . . но громовымъ ударомъ
Раздѣлены, упали въ прахъ!
Земля охвачена пожаромъ,
Пожаръ и въ небѣ и въ моряхъ!
Раздался плескъ и хохотъ ада!
Князь пымы въ волнахъ огня предсталъ
И поржесивуя озирать,
Какъ вихремъ двигалась громада . . .
Но огонь полухъ . . . Вселенной нѣтъ . . .
Земныхъ стихій замолкли бивы . . .
Но Кто-то вѣчностью живетъ!
Тамъ — неприступный, мирный свѣтъ,
И благодарныя молитвы!

Трилуный.

Р. Северные цветы
№ 08899 08930
№ 4, VII

СЪВЕРНЫЕ

Severnye tsvety.

ЦВѢТЫ

НА

1832 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1831.